

Марат Гринберг

Израильско-советские литературные связи в 1950–1980-х годах: от переводов до «Библиотеки-Алия»*

-1-

Длинная и многогранная история связей между русской и ивритской литературой до и после создания Государства Израиля включает в себя и влияние русскоязычной литературной культуры на ивритскую поэзию и прозу, и переводы русской литературы на иврит, выполненные такими крупными писателями, как Лея Гольдберг и Авраам Шленский. Намного менее известны и изучены выполненные и изданные в СССР переводы израильской литературы послесталинского периода. Несмотря на начальную советскую поддержку еврейского государства, последующее отношение СССР к Израилю было глубоко антагонистическим, что не помешало, однако, публикации нескольких сборников этих переводов в период недолгой оттепели в дипломатических отношениях между двумя странами в первой половине 1960-х¹. После Шестидневной войны 1967 года и разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем эти книги будут изъяты из доступных библиотечных фондов и глубоко упрятаны в книжных шкафах советских читателей. Эти книги были неотъемлемой

* Copyright © 2023 by Marat Grinberg.

¹ Об истории советско-израильских дипломатических отношений см. [Носенко, Семененко 2015].

частью того, что я ранее предложил называть «книжной полкой советского еврея»; содержимое книжных полок и шкафов стало основой самобытного еврейского наследия советских евреев [Grinberg 2023]. В атмосфере повсеместного преследования иудаизма и делегитимации публичного проявления еврейства чтение было той уникальной тропинкой, по которой советские евреи приходили — или возвращались — к коллективной памяти и своему еврейскому «я». Содержимое книжных шкафов было источником как обрывочных еврейских знаний, так и зачастую единственной видимой еврейской составляющей бытового пространства советских евреев. Я убежден, что исследование книжной полки и ее ивритской части (хотя и в переводе) исключительно важно для понимания советского еврейского национального возрождения конца 1970-х и еврейского национально-освободительного движения в СССР. Более того, вкусы и пристрастия тех, кто продолжал писать и публиковаться на русском и переводить ивритскую литературу уже в Израиле, формировались под влиянием книжной полки советского еврея. В данной статье предлагается обзор и анализ этих переводов с целью понять, как израильская литература преподносилась в идеологизированной и открыто антиеврейской советской государственной атмосфере и как такого рода чтение наполняло и укрепляло национальное самосознание советских евреев.

-2-

Советские евреи дорожили редкими книгами переводов современной израильской литературы. Те, кому удавалось их приобрести, пользовались возможностью извлечь хоть какую-то информацию об Израиле из этих тоненьких книжек. Тиражи изданий были небольшими по советским меркам, достигая иногда 10–15 тысяч, и часто не доходили до периферии. Случалось, что их тиражи не указывались вовсе. Без сомнения, наиболее интересным среди них был сборник «Поэты Израиля». Редактором этого сборника, вышедшего в 1963 году, выступил

не кто иной, как крупный советский поэт еврейского происхождения Борис Слуцкий. Первоначально замысел сборника исходил от израильского поэта Александра Пэнна, который впоследствии составит его и подготовит большинство подстрочников [Halperin 2007: 187–189]. Коммунист и последователь таких поэтов, как Сергей Есенин, Владимир Маяковский и Борис Пастернак, Пэнн приехал в Палестину из советской России в 1920-х годах, и стал заметной фигурой ивритского поэтического авангарда. В 1950-х и 1960-х годах, в основном приверженный левой идеологии, но не просоветский израильский литературный истеблишмент сторонился Пэнна из-за его преданности компартии Израиля.

По большей части настороженность и подозрительность в отношении израильской коммунистической партии не имели под собой экономической или социальной подоплеки, а были результатом ее неизменной и абсолютной приверженности советским позициям, даже во время антисемитских кампаний последних лет правления Сталина, а именно кампании по борьбе с космополитизмом и «дела врачей», и первого разрыва дипломатических отношений между Израилем и СССР в 1953 году. Даже когда обвинения против «врачей-убийц» после смерти Сталина были объявлены ложными, «члены коммунистической партии Израиля распространяли памфлеты <...>, прославлявшие процесс против врачей и превозносившие принципы социалистической справедливости» [Rubenstein 1985: 328]. Их лавирование между поддержкой еврейского самоопределения, участием в израильской политике и советской проарабской враждебностью к Израилю не могло продолжаться после Шестидневной войны 1967 года. Раскол в партии, однако, произошел еще до войны, в 1965 году. Она разделилась на РАКАХ под руководством Меира Вильнера, который «следовал советской линии и требовал вывода Израиля с оккупированных территорий», и МАКИ под руководством Моше Снэ и Шмуэля Микуниса, которые «поддерживали еврейский национализм и оправдывали израильское присутствие на оккупированных территориях как форму самообороны» [Rubenstein 1985: 353–354].

Пэнн посетил Советский Союз в 1959 году по приглашению Союза писателей и сумел встретиться с Пастернаком (скорее всего, тайно), травимым режимом после публикации «Доктора Живаго» за границей и присуждения ему Нобелевской премии по литературе. Как вспоминает дочь Пэнна Синилга Пэнн, которая находилась с ним в Москве, казалось, что после встречи с любимым поэтом он постарел на 20 лет. Согласно ее воспоминаниям, Пэнн топал ногами и кричал по-русски: «чтоб они сгорели!», имея в виду советский режим и то, что они сделали с великим писателем [Halperin 2007: 175]. История с Пастернаком любопытна своей значимостью как в советском, так и в израильском контексте.

Как напоминает Роман Кацман, «основные израильские газеты регулярно освещали развитие “дела Пастернака”; документы и заявления, появившиеся в советской прессе, немедленно переводились на иврит и публиковались в Израиле» [Katsman 2014: 642]. Пэнн внимательно следил за развитием событий вокруг Пастернака и на вопрос об отношении к «Доктору Живаго» гневно обвинил израильский литературный истеблишмент в том, что раньше судьба Пастернака его не волновала [Katsman 2014: 647]. Вопрос еврейства Пастернака занимал центральное место в израильской реакции на скандал вокруг писателя. Согласно Кацману, в этой реакции наблюдались два основных направления:

во-первых, теплое сочувствие Пастернаку как еврею и жертве (а иногда и еврейской жертве), каким бы ни было его отношению к своему еврейству и иудаизму <...>, и во-вторых, настоятельное стремление придавать значение самым мелким проявлениям еврейства в жизни и творчестве Пастернака [Katsman 2014: 671] (перевод мой — М. Г.).

Таким образом, для Пэнна атака на Пастернака была атакой как на поэта, так и на еврея. Он, как и другие, был готов игнорировать глубоко христианскую оценку еврейской истории, проповедуемую Пастернаком, и его отнюдь не благосклонное понимание своего еврейства — результат его суперсессионизма и теологии замены, выраженных особенно ярко в «Докторе Живаго».

Как у многих советских писателей и интеллектуалов, у израильянина Пэнна заметно расходились его частные и публичные высказывания, и кроме того он умел лавировать в коридорах власти. Проклиная советскую власть за закрытыми дверями, он пел ей дифирамбы и провозглашал свою идеологическую лояльность на публике. Эта тактика приносила свои плоды.

Во время пребывания Пэнна в СССР подборка его стихотворений появилась в «Литературной газете» вместе с несколькими стихотворениями Шленского в переводе Пэнна под общим заголовком «Стихи израильских поэтов». Стихотворения Пэнна «Деревья» и «Вечер в Иерусалиме» были морализаторскими, антиклерикальными и политическими, в них бросались обвинения в адрес империалистического Запада. В то же время образ расколотого города в «Вечере в Иерусалиме» был ярким и запоминающимся, в особенности описание процессии шелковых «бород и пейс»:

Стыли церкви, минареты,
Вился шелк бород и пейс.
Шла, одетая в запреты,
Фанатическая спесь...

Древний город — он расколот!
В пальцах тропок и путей
Был зажат лиловый холод
Злоумышленных затей
[Стихи израильских поэтов 1959].

Это был, наверное, единственный раз, когда слово «пейсы» появилось в советской печати если не в позитивном, то в нейтральном смысле. Стихотворения Шленского «Благодарения» и «Землепашец» были насыщены библейскими образами и не обладали политическим содержанием. В подборке присутствовало также два идеологически ангажированных стихотворения поэта-коммуниста Натана Пошута. В небольшом предисловии к публикации, возможно написанном самим Пэнном, давалась глубоко позитивная оценка израильской поэзии, ее богатству, разносторонности и способности сохранять оригинальность даже находясь под

глубоким влиянием русской и англоязычной литератур. Автор предисловия писал: «Израильская поэзия сумела сохранить специфику родной речи, обогатила древний еврейский язык иврит словесным арсеналом современности» [Стихи израильских поэтов 1959]. В отличие от привычного советского дискурса, еврейский элемент здесь подчеркивался, а не загушевывался.

В 1965 году сборник стихотворений Пэнна в переводе с иврита «Сердце в пути» вышел в «Издательстве художественной литературы» с благожелательным предисловием поэта и переводчика Давида Самойлова (Кауфмана), у которого со Слуцким были сложные отношения. Пэнн настоятельно просил Самойлова, чье отношение ко всему еврейскому было зачастую презрительным, написать более комплиментарное предисловие. Самойлов отказался это сделать, отметив в своем дневнике: «Целый день трудился над письмом к А. Пэну, бездарному израильскому стихотворцу» [Самойлов 2002: 366]. Пэнн никогда не прекращал сочинять стихи на русском языке, и его отношение как к ивриту, так и к своей новой «родине» всегда оставалось амбивалентным. По словам исследователя израильской поэзии Майкла Глузмана, «постоянно разрываемый между СССР и Палестиной... Пэнн описывал эту новую родину в поразительно негативных тонах» [Gluzman 2002: 4] (перевод мой — М. Г.). Действительно, лирический герой Пэнна очарован ивритом и вместе с тем закрепляет за собой позицию аутсайдера, все же часто провозглашая при этом свою любовь к новой родине. Тот факт, что после раскола израильской компартии в 1965 году Пэнн не поддержал антисионистское крыло, указывает на его приверженность еврейскому национальному проекту.

Ключевым является и то, что Пэнн был отчасти аутсайдером также и в советском контексте. Не случайно в его поэзии слышится глубокое влияние Есенина, Пастернака и Маяковского, которое, к сожалению, не удалось расслышать Самойлову, либо, напротив, которое он услышал и отверг. Клянясь в верности своим двум родинам, Земле Израиля и СССР, в «Новой родине» («Моледет хадаша») [Пэнн 1965: 13–16], он признавался в другом стихотворении: «Я не тот, я совсем не тот, / за кого ты меня

принимаешь» («Ло ани...») [Пэнн 1965: 49]. В этом болезненном и вместе с тем плодотворном диалоге между его русским/советским и советским/еврейским «я» израильтянин Пэнн предстает прототипическим советским евреем. В стихотворении «Встреча» («Пгиша»), которое описывает его возвращение в Москву после 32 лет разлуки, он писал:

מוסקבה פורצת לעינים,
ובמאורי שבועה וברית
אני כורע לה עברית,
ולי בשפת לבה עונה היא.
מוסקבה פורצת לעינים.

(Москва бьёт мне в глаза, / и в светилах клятвы и завета /
я коленопреклоненно преподношу ей свой иврит, / и она
отвечает мне на языке своего сердца. / Москва бьёт мне
в глаза) [Penn 1959: 4] (перевод мой — М. Г.).

Из русского перевода этого стихотворения, выполненного талантливым Владимиром Корниловым, поэтом и диссидентом, и включенного в сборник «Сердце в пути», выкинули строку «я коленопреклоненно преподношу ей свой иврит...» [Пэнн 1965: 144–145]. Образ советской столицы, принимавшей дар еврейского языка, а значит, возможно, и начинавшей говорить на нем, был неприемлем для советской цензуры, в чем Пэнн наверняка отдавал себе отчет.

Вступление к «Поэтам Израиля», чей автор не указан, было, скорее всего, сочинено Пэнном. Написанное кондовым советским языком, оно представляло историю ивритской поэзии сугубо с позиций классовой борьбы, критикуя «еврейскую поэзию» за ее аполитический характер и вместе с тем хваля ее гуманистический настрой. Вступление не содержало критики в адрес Израиля или чего-либо подспудно антисемитского. В целом Пэнн был способен отличить хорошую поэзию от идеологически правильной. Несмотря на инструкции Шмуэля Микуниса, главы израильской компартии, чья идеологическая ортодоксальность и жесткость превосходила советских цензоров, Пэнну удалось

включить в сборник лучшее из того, что израильская поэзия могла на тот момент предложить. Большинство поэтов, вошедших в сборник, сыграли ведущую роль в истории ивритской и израильской поэзии. Несколько поэтов, писавших на идише и арабском, были также включены, чтобы предоставить эгалитарное видение настоящего и будущего израильской литературы.

Сборник Пэнна являлся по сути краткой историей ивритской поэзии после Х. Н. Бялика (изначально Пэнн хотел начать сборник с Бялика, но ни советскую, ни израильскую сторону это не устроило): неосимволизм Авраама Шленского, Натана Альтермана и Леи Гольдберг, которая посетила Москву в 1950-х²; самобытность поэтов поколения Пальмаха, таких как Амир Гильбоа и Хаим Гури; высокий модернизм поздних 1950-х, представленный Иегудой Амихаем; поэты-женщины — Рахель и Йохевед Бат-Мирьям — и другие крупные фигуры. Сборник включал около тридцати ивритских поэтов. Для сравнения отметим, что хорошо известная антология израильской поэзии, вышедшая в США в 1965 году под редакцией поэта и переводчика Стэнли Бурншау, литературоведа Эзры Спайсхэндлера и израильского поэта Т. Карми, была похожа по содержанию, включая в себя поэтов от Якова Фишмана до Амихая и самого Карми. Для многих поколений студентов она служила хрестоматией по ивритской поэзии. В отличие от американской книги, советский сборник не включал, однако, произведений Ури Цви Гринберга, чьи правые взгляды делали его персоной нон грата. Антипатия Пэнна по отношению к Гринбергу объяснялась, возможно, и заявлениями последнего о том, что фиксация на деле Пастернака принесет Израилю только вред. Он утверждал, что реакция на происходящее с Пастернаком «была лишь отвлечением от того, что происходит вокруг нас», и добавлял: «Для нас это судьбоносно. Я не собираюсь заниматься судьбой Пастернака» [Katsman 2014: 648]. Примечательно, что краткие биографии поэтов в конце сборника — «справки об авторах» — указывали, где они родились (в основном в Российской империи) и когда

² См. [Gordinsky 2011].

эмигрировали в Палестину. Многие из стихотворений были посвящены Холокосту, что не могло не привлечь внимания советского еврейского читателя.

Некоторые из переводов сборника несли в себе полемический или даже субливерсивный посыл. Программное сионистское стихотворение Альтермана «Серебряное блюдо», вошедшее в сборник, заканчивается следующей кодой:

אז תשאל האומה שטופת דמע וקסם
ואמרה: מי אתם?, והשניים שוקטים,
יענו לה: אנחנו מגש הכסף
שעליו לך ניתנה מדינת היהודים.
כך יאמרו ונפלו לרגלה עוטפי צל.
והשאר יסופר בתולדות ישראל.

И народ, весь в слезах, спросит: «Кто Вы?»
И хором скажут оба пришельца, в крови и пыли:
«Мы — то блюдо серебряное, на котором
Государство иудейское Вам поднесли».

Скажут так и падут. Тень на лица их ляжет.
Остальное история, видно, доскажет...
[Слуцкий 1963: 51].

Называя государство евреев «иудейским», переводчик нарочито подчеркивает его религиозные и исторические корни — с метрической точки зрения «еврейское» ничего бы не нарушило и было бы переводом ивритского «медина га-егудим». При этом русский перевод, в согласии с ивритским оригиналом, передает также хрупкость, недосказанность и незавершенность — «Остальное история, видно, доскажет...» — намекая, таким образом, на неопределенность настоящего и будущего советских евреев и указывая на то, что они тоже будут включены в эту историю, как и произойдет после их репатриации в Израиль.

Изначально единственным редактором антологии должен был быть Пэнн, но в конце концов издательство решило назначить редактора с советской стороны. Выбор пал на Слуцкого, но инициатива, как мы увидим, наверняка исходила от Пэнна.

Слуцкий проявлял интерес к израильским поэтам, а они, в свою очередь, интересовались им. Омри Ронен, родившийся в Одессе и проведший юность в Украине, впоследствии изучал сравнительную литературу под руководством Леи Гольдберг в Еврейском Университете в Иерусалиме. Ронен вспоминал, как Гольдберг, посетившая СССР в составе делегации женщин, связанных с левым движением, в 1954 году и затем в начале 1960-х просила о встрече со Слуцким в Москве, в чем ей было отказано, а вместо этого предложена встреча с Самуилом Маршаком³. В глазах советских властей еврейские фигуры были взаимозаменяемы.

Как редактор сборника Слуцкий, безусловно, принимал в работе активное участие. Архивных документов, дающих более детальное представление об отношениях Слуцкого и Пэнна, мне, однако, найти не удалось. Известно, что они встречались и что Слуцкий подписал Пэнну один из своих поэтических сборников. Небольшая заметка в газете «Га-Арец» 1959 года сообщает о планах публикации книги ивритской поэзии в русском переводе и описывает визит Пэнна в СССР, его участие в съезде Союза писателей, во время которого он встретился с Хрущевым, и публикации его стихотворений в «Литературной газете». Согласно «Га-Арец», Пэнн рассказал в письме из СССР в Израиль, что он сотрудничает с известным советским поэтом Борисом Слуцким, которого заметка ошибочно называет Борисом Полевым. Совершенно ясно, однако, что Пэнн имеет в виду Слуцкого, так как он подчеркивает, что этот поэт — еврей, тогда как Борис Полевой не был ни поэтом, ни евреем. Автор такой соцреалистической классики, как «Повесть о настоящем человеке», Полевой впоследствии был также главным редактором либерального журнала «Юность», в котором часто публиковались стихи Слуцкого. Полевой способствовал попыткам возродить литературу на идише в Советском Союзе после смерти Сталина и был известен в Израиле своей статьей 1944 года об освобождении концлагеря Майданек, напечатанной в «Правде» 2 февраля 1945 года. В заметке в «Га-Арец» упоминается, что, согласно видению Пэнна,

³ См. [Ронен 2001].

стихотворения, которые войдут в сборник израильской поэзии, не будут ни политическими, ни еврейскими по тематике [На-Арегс 1959: 1]. Однако, как видно из примера с «Серебряным блюдом» Альтермана, некоторые из важнейших стихотворений были политическими (сионистскими) и, безусловно, еврейскими.

Знал Пэнн, скорее всего, и об участии Слуцкого в травле Пастернака. Как известно, Слуцкий произнес короткую речь на антипастернаковском собрании, в которой заявил, что поэту следует искать признания у своего народа, а не за рубежом, где к России испытывают лишь неприязнь. В глазах многих поэтов и читателей эта речь отбросила тень на все его творчество и жизнь⁴. Хотя это не могло не сказаться на отношении Пэнна к Слуцкому, хочется надеяться, что Пэнн понимал глубину и многосложность еврейства Слуцкого, особенно в отношении к ивриту. Вспомним хотя бы, что Слуцкий, скорее всего, по прошествии нескольких лет принимал участие в публикации единственного советского иврит-русского словаря под редакцией Феликса Шапиро⁵. Он вспоминал Шапиро в своем стихотворении «Переобучение одиночеству»: «Помню, как-то я встретился / с составителем словарей того древнего, / мною выученного и позабытого / языка» [Grinberg 2013: 73].

Присутствует в сборнике и загадка, содержащая, вероятно, ключ к пониманию Слуцкого как читателя ивритской поэзии и касающаяся Иегуды Амихая, чье включение в сборник представляется наиболее любопытным. С одной стороны, к 1963 году Амихай был уже широко признанной и прославляемой фигурой (его главный первый сборник, «Стихотворения 1948–62», вышел в 1963 году). С другой стороны, Пэнн и Амихай находились в противоположных лагерях — поэзия Амихая, с ее сознательной антипатией к политике, минималистской эстетикой и следованием немецким и американским модернистским моделям, имела мало общего с ораторским стихом Пэнна, часто подражавшего Маяковскому. В сборнике Амихай представлен тремя стихотво-

⁴ О Слуцком и Пастернаке см. [Grinberg 2013: 21–25].

⁵ О Шапиро см. [Престина-Шапиро 2005].

рениями, два из которых, «Всемиловый бог» и «Я хочу помереть у себя на кровати», были одними из наиболее программных. Шмуэль Микунис, который был против включения Амихая, писал Пэнну, что поэзия Амихая проповедует нигилизм, типичный для представителей мелкой буржуазии⁶.

Переводчиком «Всемилового бога» указан «Д. Арбель». О нем нет никаких данных; не существует больше и никаких других его переводов. Многое роднит минималистскую поэзию Амихая и Слуцкого, особенно в ее подходе к войне. Выскажу предположение, что это стихотворение было переведено Слуцким, который использовал псевдоним Арбель — быть может, в честь горы Арбель (הַר אֲרֵבֶל) в Галилее. Более того, стихотворение Слуцкого «Своим стильком плетения словес» представляется ответом Амихая. Высказывание Амихая из «Всемилового бога» «Я, который пользуюсь лишь крохотной щепоткой / слов из словаря» (אני שמשלמש רק בחלק קטן מן המילים במלון) [Слуцкий 1963: 147], находит отклик в строках Слуцкого «Своим стильком плетения словес / не очарован я, не околдован... / Как к медсестринской гимнастерке брошка, / метафора к моей строке нейдёт...» [Слуцкий 1986, 2: 267]. В стихотворении «Перевожу с монгольского и польского...» Слуцкий не упоминает иврит (как и идиш, с которого он переводил много раз), но заканчивает его следующей загадочной кодой:

Пучины разделяют страны.
Дорога нелегка и далека.
Перевожу,
как через океаны,
Поэзию
в язык
из языка [Слуцкий 1961: 49].

Факт того, что языки в этом эпическом описании перевода не

⁶ Из письма Микуниса Пэнну от 2 сентября 1959 года. Архив писателей, центр им. Лоры Шварц Кипп по изучению ивритской литературы и культуры, Тель-Авивский университет, 2: 9–435.

названы, подсказывает, что в нем заключена тайна — возможно, и тайна Д. Арбеля.

Реакция на «Поэтов Израиля» в самом Израиле была позитивной. Сборник обсуждался в израильской прессе как провозвестник новых отношений между Израилем и СССР⁷; в Израиле готовились также к публикации том поэзии Бялика в знаменитых переводах Владимира Жаботинского и том русской поэзии на иврите⁸. Все эти планы, однако, распались после 1967 года. В Москве реакция также была доброжелательной. «Советиш Геймланд», единственный оставшийся советский журнал на идише, поместил одобрительную рецензию [Хроник 1964]. Более значительным было то, что Сергей Наровчатов, поэт поколения Слуцкого, которому часто поручали писать о еврейской поэзии (например, ему принадлежит вступительная статья к тому Переца Маркиша в серии «Библиотека поэта» 1969 года), хвалил сборник с почти что сионистским пафосом в «Новом мире»:

Древняя библейская земля... Сухой ветер каменистых пустынь, яростная синь раскаленного неба, пересохшие русла рек. Но это там, где нет влаги. Там же, где присутствует ее животворящая сила, шелестят оливы, зреют крупные гроздья винограда, темнеют свежераспаханные пашни. У этой земли есть своя поэзия и свои поэты [Наровчатов 1964: 279].

Слуцкий, без сомнения, был рад видеть такую оценку поэзии и поэтов этой земли.

-3-

В дополнение к «Поэтам Израиля» вышло также несколько антологий израильской прозы, наиболее заметными среди которых были «Искатель жемчуга: новеллы израильских писателей» 1966 года и «Рассказы израильских писателей» 1965-го. Они представляли

⁷ См. [Zusman 1964; Shorer 1964].

⁸ Согласно сообщению в газете «Херут» от 4 марта 1964 года, советский посол в Израиле получил в подарок сигнальный экземпляр тома Бялика.

достаточно широкий диапазон израильской прозы и включали произведения таких авторов, как Хаим Газаз и Моше Шамир, Шмуэль Йосеф Агнон и молодой Аарон Аппельфельд. Оба тома содержали также предисловия с обзорами истории ивритской литературы; некоторые из их утверждений, которые изначально выглядели продиктованными идеологической конъюнктурой, кажутся сегодня недалекокими от истины. Согласно предисловию к «Искателю жемчуга», «современный Израиль — главная тема произведений большого отряда писателей — уроженцев страны. Израильская критика называет произведения этих писателей “литературой беспокойства и сомнений”. Основной лейтмотив ее — разрыв между сионистскими идеалами и реальной действительностью» [Вильскер 1966: 17]. Это действительно было одной из главных тем израильской литературы. Автор предисловия также отметил то, что не могло не привлечь внимания читателей:

Вторая мировая война, сопровождавшаяся небывалым в истории разгулом расового изуверства, уничтожением в концлагерях, фабриках смерти и гетто миллионов людей, привела к появлению в Израиле «литературы катастрофы и героизма». И если на первых порах в ней преобладали ноты безысходного отчаяния и пессимизма, то в последние годы писатели все больше внимания уделяют теме мужества повстанцев гетто, самоотверженной борьбе евреев-партизан [Вильскер 1966: 15].

Несмотря на привычную официозную антиизраильскую критику, которую опытный читатель мог легко игнорировать, эти советские издания израильской литературы не ставили под вопрос легитимность Израиля как еврейского государства или принадлежность его литературы к тысячелетней еврейской литературной традиции. Важно и то, что они почти всегда использовали термин «иврит», а не «древнееврейский», подчеркивая таким образом современность и релевантность еврейского государства. Эти книги дополняли материалы, привезенные (часто нелегально) израильскими представителями для советских евреев, хотя мало кто за пределами Москвы мог иметь к ним доступ.

На радость московским евреям, до 1967 года, а иногда и позже, Израиль принимал участие в международных книжных выставках и фестивалях молодежи. Израильские фильмы входили в показ на Международном московском кинофестивале, как, например, в 1964 году, когда французско-израильский фильм о процессе над Эйхманом «Стеклянная клетка» был включен в основную программу фестиваля⁹.

Арон Вергелис был автором длинного предисловия к «Рассказам израильских писателей» под названием «Израильская литература и ее корни». Главный редактор журнала на идише «Советиш Геймланд», начавшего выходить в 1961 году, поэт и прозаик Вергелис был и плотью от плоти советской системы, и умевшим находить собственный путь аутсайдером. Хотя «Советиш Геймланд» иногда находился на передовой антиизраильской пропаганды, Вергелис ценил и глубоко уважал ивритскую литературу, в особенности поэзию Бялика. Вергелис также, что казалось тогда радикальным шагом, ввел в орфографию в «Советиш Геймланд» несколько ивритских элементов, как, например, использование финальных букв. У этих проивритских шагов были свои последствия. В доносе, отправленном в ЦК компартии в 1976 году, редакторы подвергались жесткой критике за их «гебраизацию идиша» и отход от реформ 1928–1932 годов, которые исключили финальные согласные из всех советских изданий на идише. Доносчик также осуждал журнал за «апологетику о Хаиме Нахмане Бялике, сионистском поэте и крупном лидере международного сионистского движения», напоминая органам о том, что на русский Бялика переводил «фашист» Владимир Жаботинский [Estraikh 1996: 29]. Несмотря на это, в 1980-х годах Вергелис публикует в своем журнале в ивритском подлиннике и переводе на идиш отрывки из неизвестных стихотворений Иегуды Га-Леви, найденные ленинградским гебраистом Львом Вильскером, который также был редактором «Искателя жемчуга»¹⁰.

Поразительно и то, что в своей книге о путешествиях на Запад

⁹ См. [Кузнецов 1965].

¹⁰ См. [Vilsker 1983: 133–151].

и в страны социалистического лагеря — «16 стран, включая Монако» — Вергелис описал свою встречу со Шмуэлем Йосефом Агноном в Лондоне после получения тем Нобелевской премии по литературе. Вергелис восхищался Агноном; его заметка о встрече с израильским писателем была первоначально опубликована в «Литературной газете»¹¹. Сам Агنون настаивал на встрече с Вергелисом, несмотря на возражения со стороны Министерства иностранных дел Израиля, которое считало Вергелиса сталинистом и приверженцем антиизраильских позиций. Агنون напомнил израильским дипломатам легенду из Талмуда о раввине, который согрешил тем, что отказался взглянуть на Иисуса, добавляя: «Я не откажусь встретиться с Вергелисом» [Laor 1998: 587] и проводя, таким образом, параллель между еврейским отщепенцем Иисусом и советским еврейским писателем. Агنون избегал каких-либо политических тем в их беседе, которую они вели, естественно, на идише, и пригласил Вергелиса погостить у него в Иерусалиме. Вергелис согласился, отмечая, что он уже давно собирается посетить Израиль и надеется, что это произойдет в недалеком будущем. Он также пригласил Агнона в Советский Союз и даже назвал его великим советским писателем, так как его родной галицийский город Бучач был частью советской Украины.

Неудивительно, что Вергелис исключил все эти детали из своего текста об Агноне. Пытаясь сделать Агнона приемлемым для советского цензора и читателя, Вергелис представил его умеренным критиком сионизма, симпатизирующим коммунизму и Советскому Союзу, недвусмысленно подчеркивая при этом преданность Агнона как писателя и правоверного иудея ивриту и иудаизму. Вергелис писал:

Что же касается Агнона, то он пишет на иврите. В Израиле о нем говорят как о классике. Достаточно прочесть хотя бы одну его книгу, чтобы стало ясно: «незыблемая традиционность» писателя — фактор не консервативный, а скорее

¹¹ См. [Вергелис 1967].

национально-самобытный, хотя и не свободный от архаичности [Вергелис 1982: 202].

В 1967 году Вергелис опубликовал несколько рассказов Агнона в переводе на идиш в «Советиш Геймланд»¹². Было также несколько неудачных попыток опубликовать их в «Литературной газете»¹³.

Не вызывает удивления и то, что предисловие Вергелиса к «Рассказам израильских писателей» колебалось между официальной критикой и его собственной любовью к теме, которой он неплохо владел. Его текст был обширным и просветительским, лишенным явной пропаганды, с одной стороны, но следовавшим основам марксистского взгляда на литературные процессы — с другой. Вергелис затронул библейскую древность и средневековый испанский период, который он назвал «затопленным архипелагом» [Рассказы израильских писателей 1965: 7], и соединил развитие литератур на иврите и идише, предвосхищая в какой-то мере идею Дана Мирона о смежности ивритских и идишских традиций в современной еврейской литературе¹⁴.

В целом Вергелис стал автором единственного на тот момент серьезного теоретического обсуждения на русском еврейской литературы. В книге «16 стран», в главе, рассказывающей о его посещении Лондона и содержащей также отрывок об Агноне, Вергелис дал жесткую оценку того, что определяет еврейского писателя, продиктованную, с одной стороны, советской цензурой, а с другой — искренне выражавшую его мировоззрение. Он писал:

Для меня еврейский писатель это тот, кто пишет по-еврейски. Напишите на еврейском языке роман о другом народе, скажем об узбеках или белорусах, и вы все равно останетесь еврейским писателем. С другой стороны, Исаака Бабеля или Лиона Фейхтвангера никто, без сомнения, не назовет еврейскими писателями, несмотря на то, что у них основные

¹² См. [Агнон 1967: 96–109].

¹³ См. [Фрухтман 2016].

¹⁴ См. [Miron 2010].

произведения посвящены евреям. Иначе смотрят на это в Англии да и в других странах. Там Исаак Бабель — еврейский писатель [Вергелис 1982: 193].

Эти соображения исключительно интересны во многих отношениях. Через них Вергелис вступает в один из самых долговечных и неразрешимых споров современной еврейской культуры — спор о том, что определяет еврейскую литературу, продолжающийся и сейчас. Глубокие корни этого спора в истории еврейской критической мысли в России представлены наиболее ярко в полемике между Корнеем Чуковским и Владимиром Жаботинским в Одессе в начале XX века¹⁵. Вспомним, что в своем предисловии к переводу произведений Бабеля на английский 1955 года известный критик Лайонел Триллинг представил Бабеля фактически еврейским писателем, а Сол Беллоу повторил это еще четче несколькими годами позже¹⁶. Вергелис следует установкам советского режима, который всегда относился с подозрением к смешанным идентичностям и отрицал ценность и живучесть обособленного еврейского «я» в произведениях на русском, но он также критикует ассимиляцию, желая защитить тот еврейский «угол», который этот режим отвел для него. Он хочет удостовериться в том, что этот «угол» останется единственной легитимной еврейской территорией. Важно, однако, то, что Вергелис использует термин «еврейский язык», который здесь не исключает иврит, особенно учитывая его восхищение Бяликом, разговор с Агноном, предисловие к переводам израильской прозы, переводы с иврита и ивритскую орфографию в «Советиш геймланд».

Вергелис также сделал шаг в сторону признания и принятия многоязыкового характера еврейской литературы. В главе, рассказывающей о посещении Рима, он описывает встречу с итальянской еврейской писательницей Наталией Гинзбург, которая настаивает на том, что еврейская литература может существовать на нееврейском языке. Вергелис недоумевает: «Означает ли это,

¹⁵ См. [Иванова 2005].

¹⁶ См. [Trilling 2000: 311–330; Bellow 1994].

что вы, и Бассани, и Примо Леви, и, думаю, также Джорджо Вогера-Пано, все вы являетесь еврейскими писателями лишь постольку, поскольку вы описываете трагедию народа?» Гинзбург отвечает: «Совершенно верно. Естественно, когда итальянский читатель листает книгу еврейского автора, он без подсказки понимает, что этот автор — еврейский. По юмору, что ли, или по специфической грусти узнает он его. По привычке останавливать повествование, чтобы пофилософствовать, “покрутить пальцами”» [Вергелис 1982: 356]. Вергелис спрашивает ее о переводах на итальянский с иврита и идиша, и она показывает ему антологию 29 современных ивритских поэтов, которая могла напомнить ему о «Поэтах Израиля». 4-й номер «Советиш геймланд» 1963 года включал в себя обширную подборку «прогрессивных писателей из Израиля», в том числе и стихотворения Пэнна¹⁷. Вновь высказав свое прежнее неприятие возможности еврейской литературы на нееврейском языке, он начинает сдавать позиции:

Записывая теперь нашу беседу, я думаю: литературная наука до сих пор еще не дала точного ответа на вопрос, что такое еврейская литература, еврейская живопись, еврейская музыка... Что именно определяет национальную суть: личность ли автора, или характер изобразительных средств, или стилевые особенности, или национальная характеристика материала? А может быть, должны приниматься во внимание все эти и даже кое-какие другие факторы? [Вергелис 1982: 357–358].

Это удивительный поворот от прежнего максимализма Вергелиса, заставляющий вспомнить «сионистского реакционера» Жаботинского, который писал в 1908 году:

В наше сложное время «национальность» литературного произведения далеко еще не определяется языком, на котором оно написано... Решающим моментом является тут не язык, и с другой стороны даже не происхождение автора,

¹⁷ См. [Пэнн 1963: 63–100].

и даже не сюжет: решающим моментом является *настроение* автора — *для кого* он пишет, *к кому* обращается, *чьи* духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение [Жаботинский 1992: 65]¹⁸.

Так ли парадоксально, что Вергелис и Жаботинский могли бы найти общий язык? Вергелис, воспринимавшийся многими как служитель советского режима, предстает здесь намного более сложной фигурой — создателем еврейского интеллектуального дискурса на страницах, на первый взгляд, пропагандистской литературы, стремимся оказать влияние на умы советских евреев.

-4-

Даже самые тенденциозные советские издания до 1967 года, касающиеся израильского общества и культуры, содержали крупницы полезной информации. В 1959 году Григорий Плоткин, идеологически безукоризненный украинский еврейский писатель — он впоследствии напишет предисловие к печально знаменитому антисемитскому памфлету «Иудаизм без прикрас» — опубликовал в русском и украинском вариантах книгу под названием «Поездка в Израиль», являвшуюся фактически первым советским путеводителем по еврейскому государству. Изображающий Израиль бедным лакеем на побегушках у США, а его сионистскую идеологию как безнадежно реакционную, томик Плоткина также содержал осторожно восприимчивый анализ творчества крупных ивритских писателей. Плоткин упомянул Шмуэля Йосефа Агнона (по ошибке названного Лейбом), «старейшего израильского прозаика», чьи произведения «полны удивительных религиозных предрассудков» [Плоткин 1959: 105], и даже назвал Ури Цви Гринберга талантливым поэтом до его

¹⁸ О Жаботинском и его участии в дебатах о еврейской литературе см. [Shrayer 2007: XXXII–XXXIV].

присоединения к правым «мракобесам»; оценки Гринберга поэтическим израильским мейнстримом отличались от этого не сильно. Плоткин хвалил роман Моше Шамира о Маккавеех и, естественно, восхвалял Пэнна. Был он позитивен и в оценке Натана Альтермана и, особенно, Авраама Шленского за его мастерские переводы «Евгения Онегина» и «Тихого Дона» Шолохова. Несмотря на понятную идеологическую узколобость и тенденциозность, взгляд Плоткина не был лишен проницательности и даже предвидения.

В 1965 году А. Белов (Элинсон), один из немногих советских переводчиков и исследователей ивритской литературы, чьи переводы были включены в обсуждавшиеся выше сборники прозы, опубликовал длинную статью о переводе Шленским «Евгения Онегина» в престижном альманахе «Мастерство перевода» под редакцией Корнея Чуковского. Включая многие цитаты из перевода в русской транслитерации, Белов в своей работе выявлял, как израильский поэт не просто перевел, а иудаизировал Пушкина. Он писал: «Традиционную образность древних книг — “Псалмов”, “Песни Песней”, “Экклезиаста”, “Притч Соломоновых” — переводчик виртуозно использует для воссоздания образов, мыслей, настроений, весьма далеких от библии» [Белов 1965: 315]. Советскому еврейскому читателю, погружившемуся в изучение этого высоко ценимого им издания, было, безусловно, интересно услышать, как хорошо знакомые строчки Пушкина зазвучали на иврите. Шленский был глубоко польщен статьей Белова и вступил с ним в долгую и интересную переписку, обещавшая ему также материалами из Израиля¹⁹.

Многие из их писем были посвящены выполненным Шленским переводам рассказов Бабеля, которые широко обсуждались в израильской прессе²⁰. Наиболее значительной была обширная статья Леи Гольдберг о Бабеле, представившая его, по сути, ивритским писателем. Гольдберг писала:

¹⁹ См. [Shlonsky 1977].

²⁰ См. [Розенсон 2015: 190–259].

Кто среди читателей «Конармии» поверит, что ее рассказы не были изначально написаны на иврите? Тема, стиль и язык перевода Шленского указывают на то, что русский оригинал в данном случае является переводом с иврита. Благодаря переводу Шленского Бабель, так сказать, вернулся домой [Розенсон 2015: 248].

В какой-то мере это было обратной стороной идеи Пэнна о слиянии иврита с Москвой: если Пэнн возвращался к своим корням через русский перевод, то Бабель, в глазах Гольдберг, возвращался в свой «первоначальный» иврит через перевод Шленского, превращающий Бабеля в еврейского национального писателя.

Помимо этой переписки, о глубоком интересе Шленского к советскому еврейству свидетельствует сборник 1962 года под его редакцией «Моя весна придет: стихи советского еврея», куда входили стихи в русском подлиннике и переводах на иврит. Анонимным автором сборника был И. Домальский — псевдоним Михаила Байтальского, который отсидел в ГУЛАГе и не смог совершить алию. Сам Белов в 1970-х репатриировался в Израиль, где он продолжал активную переводческую деятельность и отредактировал (совместно с Фримой Гурфинкель) известную книгу «Я себя до конца рассказала: сборник стихов израильских поэтов» [Я себя до конца рассказала 1981].

-5-

Сборник Белова был опубликован «Библиотекой-Алия» — издательством, сыгравшим важную роль в истории советских евреев. Основанная в 1972 году Обществом по изучению еврейских общин — частью Натива (*Лишкат га-кешер*), правительственного агентства, ответственного за обеспечение советских евреев материалами из Израиля и поощрение алии, — «Библиотека-Алия» была и образовательным, и идеологическим проектом, ее карманные издания можно было легко переправить нелегально из Израиля в СССР. Каталог издательства включал в себя пе-

реводы с идиша, иврита и английского, а также произведения русскоязычных писателей-эмигрантов и таких ранних русско-еврейских авторов, как Жаботинский. Доступные через самиздат и круги отказников, в основном в Москве и Ленинграде, эти книги дополняли и самиздатовскую, и подцензурную литературу. Со временем состав «Библиотеки-Алия» расширился благодаря большому количеству книг, посвященных Холокосту, и разнообразной еврейской литературе, от Сола Беллоу до Томаса Манна²¹.

Известный писатель-отказник Давид Шраер-Петров подчеркивал значимость этих книг для еврейской читающей публики в 1970-х и ранних 1980-х, период развития политического, культурного и религиозного еврейского андеграунда и растущей еврейской эмиграции, сопровождавшейся попытками режима удушить ее, что привело к возникновению движения отказников. В романе «Будь ты проклят! Не умирай...», второй части своей трилогии об отказниках, Шраер-Петров вложил в уста еврей-отказника свидетельство о национальном возрождении советских евреев: «А теперь кого мы читаем с вами — Зингера, Жаботинского, Бялика, Давида Маркиша, Маламуда, Леона Юриса, Натана Альтермана, Игала Алона и многих других, опубликованных в Библиотеке алии» [Шраер-Петров 2014: 366–367]²².

С началом перестроечных реформ книги «Библиотеки-Алия», поставляемые уже Джойнтом, стали открыто доходить во все точки СССР, значительно увеличивая масштабы еврейских знаний, доступных советским евреям, от переводов с иврита до религиозных, исследовательских и исторических источников. Роман-эпос Леона Юриса «Экзодус» о создании Израиля, популярный в московском самиздате, в конце 1980-х стал одной из

²¹ См. [Беллоу 1978; Манн 1990].

²² Анализ трилогии Шраера-Петрова см. в [Гринберг 2021]. Примечательно то, что сокращенный вариант первой части трилогии Шраера-Петрова был включен в сборник «В отказе», воспроизводящий раннее название первой части романа Шраера-Петрова и опубликованный «Библиотекой-Алия» в 1986 году. См. [Шраер-Петров 1986: 147–242]. Первоначально «Библиотека-Алия» предполагала выпустить роман отдельным изданием, о чем было объявлено в 1985 году. См. [Shrayer-Petrov 2018: 278].

наиболее читаемых еврейских книг в Советском Союзе. «Экзодус» был первой книгой первого каталога «Библиотеки-Алия» 1973 года. Классика иудаики XX века, опубликованная «Библиотекой-Алия» и включавшая в себя «Основные течения еврейской мистики» Гершома Шолема, «Мудрецов Талмуда» Эфраима Элимеlexa Урбаха, «Рабби Акиву» Луи Финкельштейна, труды французского философа-экзистенциалиста Андре Неера и популярный роман Милтона Стейнберга «Как сорванный лист» о талмудическом еретике Элише бен Абуя, заполнила тесные книжные полки только что открытых еврейских общинных центров в Украине и Беларуси.

* * *

Каковой была взаимосвязь между книгами «Библиотеки-Алия» и более ранними советскими переводами израильской литературы? Прослеживается ли в советско-израильских литературных связях больше преемственности или разрывов? Было бы естественно предположить, что разрывов было больше, учитывая очень разные цели и обстоятельства израильских и советских публикаций. Хотя это, безусловно, так, позволю себе в заключение предположить, что для «Библиотеки-Алия» был характерен не только разрыв с советскими изданиями израильской литературы, но также их развитие и продолжение, каким бы парадоксальным это ни казалось на первый взгляд.

Источники

- Агнон 1967 — Агнон Ш. Й. Советиш Геймланд 1967. № 4. С. 96–109.
Белов 1965 — Белов А. А. Шлионский — переводчик «Евгения Онегина» // Мастерство перевода 1964. 1965. С. 304–326.
Беллоу 1978 — Беллоу С. Планета мистера Семмлера. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1978.
В отказе 1986 — В отказе. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1986, С. 147–242.

Вергелис 1982 — Вергелис А. А. 16 стран, включая Монако. Путевые очерки. М.: Советский писатель, 1982.

Вергелис 1967 — Вергелис А. Встреча с Агноном // Литературная газета 1967. № 16. С. 15.

Вильскер 1966 — Вильскер Л., сост. Искатель жемчуга. М.: Наука, 1966.

Жаботинский 1992 — Жаботинский Е. В. Избранное. Иерусалим: Гешарим, 1992. С. 61–68.

Кузнецов 1965 — Кузнецов М. О войне и о мире // Советский экран 1965. № 16. С. 3.

Манн 1990 — Манн Т. О немцах и евреях. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.

Наровчатов 1964 — Наровчатов С. С. Коротко о книгах. Новый мир 1964. № 10. С. 279.

Плоткин 1959 — Плоткин Г. Д. Поездка в Израиль. М.: Издательство Литературной газеты, 1959.

Престина-Шапиро 2005 — Престина-Шапиро Л. Ф. Минск: МЕТ, 2005.

Пэнн 1963 — Пэнн А. // Советиш Геймланд 1963. № 4. С. 71–73.

Пэнн 1965 — Пэнн А. Сердце в пути. М.: Художественная литература, 1965.

Рассказы израильских писателей 1965 — Рассказы израильских писателей. Ред. П. Петров. М.: Прогресс, 1965.

Самойлов 2002 — Самойлов Д. С. Поденные записи. М.: Время, 2002.

Стихи израильских поэтов 1959 — Стихи израильских поэтов // Литературная газета 1959. № 75. С. 4.

Слуцкий 1961 — Слуцкий Б. А. Сегодня и вчера. М.: Молодая гвардия, 1961.

Слуцкий 1986 — Слуцкий Б. А. Собрание сочинений в трех томах. М.: Художественная литература, 1986.

Слуцкий 1963 — Слуцкий Б. А. Поэты Израиля. М.: Издательство иностранной литературы, 1963.

Фрухтман 2016 — Фрухтман Л. Я, Агнон и Шестидневная война // ИСРАГЕО 2016. 16 дек. URL: <http://www.isrageo.com/2016/12/10/agnonobel50/> (дата обращения: 08.04.2022).

Хроник 1964 — Хроник // Советиш Геймланд. 1964. № 2. С. 159.

Шраер-Петров 2014 — Шраер-Петров Д. П. Герберт и Нелли. М.: Книжники, 2014.

Penn 1959 — Penn A. Pgisha <Meeting> // Kol ha-am 1959. November 6. P. 4.

Библиография

Гринберг 2020 — Гринберг М. А. «Я читаюсь не слева направо, по-еврейски: справа-налево». Поэтика Бориса Слуцкого. СПб.: Библиороссика, 2020.

Гринберг 2021 — Гринберг М. Кто такой Грифанов? Диалог Давида Шраера-Петрова с Юрием Трифоновым // Параллельные вселенные Давида Шраера-Петрова. Сборник статей и материалов к 85-летию писателя. Ред.-сост. Р. Кацман, К. Смола, М. Шраер. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2021. С. 291–312.

Иванова 2005 — Иванова Е. Чуковский и Жаботинский: история взаимоотношений в текстах и комментариях. М.: Мосты культуры, 2005.

Носенко, Семененко 2015 — Носенко Т. В. Семененко Н. А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

Розенсон 2015 — Розенсон Д. Бабель: человек и парадокс. М.: Книжкини, 2015.

Ронен 2001 — Ронен О. Грусть // Звезда 2001. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/9/grust.html> (дата обращения: 08.04.2022).

Смола 2021 — Смола К. Романы Давида Шраера-Петрова об исходе и эпистемология еврейского культурного возрождения в СССР // Параллельные вселенные Давида Шраера-Петрова. Сборник статей и материалов к 85-летию писателя. Ред.-сост. Р. Кацман, К. Смола, М. Шраер. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2021. С. 221–236.

Bellow 1994 — Bellow S. On Jewish Storytelling // What is Jewish Literature. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1994. P. 15–19.

Estraikh 1996 — Estraikh G. 'Jewish Street' or Jewish cul-de-sac? From Sovietish Heymland to Di Yidishe Gas // East European Jewish Affairs. 1996. № 1. P. 25–33.

Gluzman 2002 — Gluzman M. The Politics of Canonicity: Lines of Resistance in Modernist Hebrew Poetry. Stanford: Stanford University Press, 2002.

Gordinsky 2011 — Gordinsky N. In Search of a Lost Past: Leah Goldberg's Journey to the Soviet Union in 1954 // Konstellationen. Berlin: Vandenhoeck&Ruprecht, 2011. P. 167–190.

Grinberg 2023 — Grinberg M. The Soviet Jewish Bookshelf: Jewish Culture and Identity between the Lines. Waltham: Brandeis University Press, 2023, forthcoming.

Halperin 2007 — Halperin C. Tzeva ha-chayim: chayav ve'yetzirato shel Aleksandr Penn. Tel-Aviv: Hakibbutz Hameuchad, 2007.

Katsman 2014 — Katsman R. Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of Israeli Writers and Intellectuals (1958–1960) (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology // Around the Point: Studies in Jewish Multilingual Literature / Ed. by H. Weiss, R. Katsman, B. Kotlerman. Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014.

Laor 1998 — Laor D. Chaei Agnon: biografiya. Jerusalem: Schocken, 1998.

Milon ivri-rusi yofia be-rus'ia 1959 — Milon ivri-rusi yofia be-rusi'a. Tefursam gam antologiya shel shira ivrit <Hebrew-Russian dictionary will be published in Russia. As well as an anthology of Hebrew poetry will be printed>. Haaretz 1959. June 25. P. 1.

Miron 2010 — Miron D. From Continuity to Contiguity: Toward a New Jewish Literary Thinking. Stanford: Stanford University Press, 2010.

Rubenstein 1985 — Rubenstein S. The Communist Movement in Palestine and Israel, 1919–1984. Boulder: Westview Press, 1985.

Shlonsky 1977 — Shlonsky A. Michtavim le'ehudim bebrit ha-moatzot <Letters to Jews in the Soviet Union>. Tel-Aviv: Sifriyat Poalim, 1977.

Shrayer 2007 — An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry. Ed. and comp. by M. Shrayer. Volume 1: 1801–1953. Armonk: M. E. Sharpe, 2007.

Shrayer-Petrov 2018 — Shrayer-Petrov D. Doctor Levitin. Detroit: Wayne State University Press, 2018.

Shorer 1964 — Shorer C. Du-siach al yehudim ubrit-hamoatzot <Dialogue on Jews and the Soviet Union> // Davar 1964. March 27. P. 2.

Trilling 2000 — Trilling L. The Moral Obligation to be Intelligent: Selected Essays. New York: FSG, 2000.

Vilsker 1983 — Vilsker L. Yehuda Halevi's 198 lider fun an umbavuster redaktsie // Sovetish Heymland 1983. № 6. P. 135–151.

Zusman 1964 — Zusman E. Shirat israel bemoskva <Israeli poetry in Moscow> // Davar 1964. April 17. P. 6.